

АРХИВ

Александр САХАРОВ

Есенин был очень общительным человеком. Он постоянно был окружен целой ватагой товарищей, а то и просто случайных знакомых. Но среди этого многолюдства было несколько человек, которых он выделял, с которыми устанавливались сердечные отношения, продолжавшиеся иногда по многу лет. Одним из таких ближайших друзей был Александр Михайлович Сахаров (1894 — 1952).

Питерский рабочий-печатник, он в годы революции стал сотрудником различных полиграфических управлений, по делам службы часто приезжал в Москву, а временами и жил здесь. Зайдя как-то в декабре 1918 или январе 1919 года в кафе поэтов на Тверской (раньше оно называлось "Домино"), он попал на выступление Есенина. На вечере случилась перепалка Есенина с публикой, в нее вмешался Сахаров, причем не на стороне Есенина. Знакомство началось со скандала, но вскоре они перестали ссориться и сдружились.

Сахаров помогал Есенину, его друзьям-имажинистам с издательскими делами. В 1922 г. на собствен-

ные средства под маркой издательства "Эльзевир" он выпустил "Пугачева" Есенина. В эти годы они сблизились настолько, что, уезжая за границу, Есенин намеревался оставить Сахарову заветное на все свои опублико-

А. Сахаров, С. Есенин

ванные и неопубликованные произведения. Обращаясь с деловой просьбой, писал: "Прошу тебя, как единственного родного мне человека..."

В первую после зарубежа поездку в родное Константиново в мае 1924 г. он взял себе в спутники Сахарова. И одно из главных своих произведений, крупнейшую вещь, написанную в связи с этой поездкой — "Русь советскую", он посвятил Сахарову. "Вот этот человек сделал для меня много. Очень много. Он прекрасно знает русский язык", — говорил Есенин одному из друзей. "С Сашкой он считался, как ни с кем из друзей, верил ему и его мнению", — подтверждала Г. Бениславская.

Приезжая в Ленинград, Есенин обычно останавливался на квартире Сахарова, у него хранил часть своего архива. В Москве же Сахаров неизменно бывал у Есенина. В сентябре — октябре 1925 г. вместе с Есениным, его сестрами, С. Толстой и В. Наседкиным он снялся на известной фотографии в студии в Столешниковом переулке. Это были последние снимки в жизни поэта. Последний раз они увиделись у входа в клуб Союза писателей. Это было накануне рокового отъезда Есенина в Ленинград.

После смерти Есенина Сахаров не изменил его памяти. В среде ленинградских книжников он даже получил прозвище "Есенинец". К нему одному из первых обратился в 1926 г. И. Евдокимов, составивший сборник воспоминаний. Сахаров начал писать их, назвал "Обрывки памяти". Воспоминания были анонсированы в сборнике, но Сахаров, приравняв начало, так их и не закончил, оборвав на самом начале — встрече 1920 г.

Здесь впервые полностью публикуются две главы.

В "Домино" с Есениным

Кукуруза. - 1995. - 23 сент. - С. 12

Нужный человек

Через некоторое время мне пришлось переехать на постоянную работу в Москву.

Я давно не видел Есенина, да и желания особого видеть его не было. Что ни встреча — скандал...

Случай... Судьба... Мы сидим в "Домино" с моим другом и братом по работе в Полиграфическом отделе ВСНХ. Увлечены беседой об очередных делах — задаче момента, борьба с "желтым" союзом, добывание пайка рабочим-печатникам и т.п. И тут же частный вопрос — вопрос, где мне достать квартиру (жил я в общей канцелярии ЦК печатников). Кто-то подходит к нам и здоровается с моим другом, я поднимаю голову — Мариенгоф.

— Знакомьтесь. Обмениваемся рукопожатиями, и Мариенгоф присаживается к нашему столу.

Начинается трафаретный разговор: "Что делаете? Где работаете?" И когда мой друг называет учреждение, в котором мы занимаемся, Мариенгоф задает вопрос:

— Может быть, по старой памяти книжечку можете выпустить?

Вместо ответа мой друг глазами показывает на меня и говорит ему:

— Председатель коллегии. Побеседуйте.

Мариенгоф кричит:

— Сережа, пойдешь сюда.

Из комнаты для членов союза к нашему столу идет Есенин, я сижу к нему спиной. Он подходит легкой походкой, улыбаясь, подает руку моему другу и чеканит фамилию:

— Есенин.

Повертывается, протягивает руку мне... и на лице улыбки сменяет злое выражение — он видит ненавистную для него "кожаную куртку". В два прыжка он отскакивает от стола. Мариенгоф бежит за ним, и я вижу, как он что-то настойчиво говорит на ухо Есенину, в чем-то настойчиво убеждает.

Через несколько минут к столу подходит смущенный Есенин, извиняется передо мной за свой горячий порыв, садится рядом со мною, весь вечер молчит и мнет шапку в руках. Разговаривает Мариенгоф. Говорит просто и убедительно. Так бы ему говорить с эстрады. Читать стихи в этот вечер Есенин отказался.

Впоследствии Есенин частенько вспоминал эти стычки.

— Помнишь, Сашка, как мы с тобой сцепились? Не поскандаль мы тогда, может быть, прошли бы мимо.

А когда я спрашивал, почему он так отпрыгнул от меня, он ответил:

— Да уж больно у тебя шапка была на чекистскую похожа, а я чекистов не люблю.

Действительно, тогда была мода на авиаторский шлем, и многие сотрудники чека носили такого рода шапки.

Я же носил обыкновенную "финку", которая в Питере принята чуть ли не с его основания.

Впоследствии Сергей к этой шапке привык, как привык и к ее обладателю, и не постеснялся поместить себя на одну фотографию вместе с этой "чертовой кожаной курткой".

Слова же, которые шептал на ухо Есенину Мариенгоф, были таковы:

— Что ты делаешь, Сергей? Если тебе дорог выпуск наших книг, иди к столу и сяди! Это нужный нам человек.

Сближение

"Домино" оказалось необходимым местом отдыха. С каждым днем привязанность к нему росла. От лепешки с творогом перешли к правильно поставленному буфету, от буфета — к кухне. Открылась столовая, сначала для членов, затем и для гостей. В один из таких обремененных моментов, когда в кафе народу почти никого не было, ко мне, одиноко сидевшему за столом, подошел Есенин. Присел.

— Обедаете?

— Как видите...

— Не хотите ли рюмочку спирта перед обедом?

Я отказался, объяснив, что не пью.

— Обидно, — сказал Есенин. — Да что вы сидите здесь один, скучно, пойдете к нам, — и он увел меня в правленческую комнату.

В правленческой комнате находилась группа поэтов, из коих я запомнил только одного Кусикова. Читали друг другу стихи.

— Вы поэт? — обратился с вопросом ко мне Кусиков.

— Нет.

— Писатель? Художник?

Я отрицательно покачал головой.

— Ну тогда чекист?

— Нет.

Он выразил полнейшее удивление и посмотрел на Сергея.

Сергей в углу разливал по стаканам спирт и улыбался.

Спирт подогрел настроение поэтов.

Кусиков начал выстукивать пальцами по столу и под этот аккомпанемент петь куплеты с припевом "ланца — дрица — и — ца-ца".

Потом Сергей просил его перейти в общий зал. Кусиков сел за рояль, аккомпанировал себе и пел цыганские романсы "Обидно, досадно" и "Две гитары". К последним в качестве припева все собравшиеся подпевали:

Басан, басан, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата.

Есенин подпевал, сидя рядом с Кусиковым, и в такт музыке ударял в ладоши.

Затем Есенин шепнул Кусикову на ухо — и вместе цыганщины поплыли звуки частушечного перебора. Есенин встал, откинул волосы назад.

— Литературные частушки.

Запел... Голос никакой, неопределенный, но

очень приятный.

Начал с частушки:

Шел туман с Орехова,
Теперь идет на Зуева.
Я люблю стихи в лаптях
Миколая Клюева.

Зал зааплодировал.

Он осекся и заявил:

— Не аплодируйте, я пою для себя и для друзей — и на лице у него появилась нехорошая, презрительная улыбка.

Частушки следовали без перебора. Небольшое количество публики, собравшейся в зале, боялось чихнуть. Ни разговоров, ни аплодисментов.

Скачет Брюсов по Тверской
Не мышкой, а крысиной.
Дядя, дядя, я большой,
Скоро буду с лысиной.

Это пахнет дерзостью. Великий, единственный Брюсов — и вдруг.

Но следующая частушка затмевает предыдущую:

Эх сыпь. Эх жарь.
Маяковский — бездарь.
Рожа краской питана,
Обокрал Уитмана.

И тут же о себе:

Ветер дует, ветер веет,
Под подолы шляется...
У Есенина Сергея
Золотые я...а.

И как бы в извинение добавляет:

— Это вполне литературно, это когда я написал в поэме "Инония" — "снесся я золотым яйцом" — один из моих друзей сложил частушку.

Следуют частушки о Блоке, Ахматовой, Кузми-не, Василии Каменском и других. Он чередует их с деревенскими мотивами, ухарскими и подчас вульгарными:

Сапоги у нас простые (смазные),
Ножи кованные...
Мы ребята холостые,
Практикованные.

Эх, поп попадьё
Переделал на бадьё,
Руки, ноги отрубил,
В ж...у пороку набил.

В зале слышен сдерживаемый смех, и вдруг раздается хохот. Есенин смотрит, недоумевая. И начинает доказывать, что ничего дурного он не сказал, что это дурные мысли у слушавших, что слово это есть отглагольная форма имени существительного, происходит от глагола "шепот". Хохот растет... Он бросает петь и уходит с эстрады.

Идем трое к Арбату: он, Кусиков и я.

— Ловко я им ввернул? — спрашивает Есенин и убежденно начинает доказывать, что он прав, что он изучал Потебню, Дала и при изучении этих авторов вынес подобное заключение.

Я еще однажды слышал от него подобные рассуждения в течение двух часов, они оба парадоксальны, но строго обоснованны. Но об этом потом.

Я проводил его до Арбата и, повернув обратно, пошел домой.

Предисловие и публикация
Алексея КОЗЛОВСКОГО